



Барельеф Румянцевского обелиска. Архитектор Винченцо Бренна. С.-Петербург, 1798–1799

УДК 94(338.245)(470+560)XVIII–XIX вв.

DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11051



Лебедев А.А.

Почем обошелся «больной человек Европы»? Неприятные итоги русско-турецкого противостояния XVIII – XIX вв.

Лебедев Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, С.-Петербург

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4759-7583>

E-mail: alexey-a-lebedev@j-spacetime.com; aalebedew@yandex.ru

В статье рассматривается проблема стоимости для Российского государства русско-турецких военных конфликтов XVIII–XIX вв. – финансовых затрат и людских потерь и их влияния на развитие страны. Сделан вывод о несоответствии понесенного Россией ущерба состоянию Османской империи, на протяжении 1750–1900 гг. являвшейся и единодушно признававшейся современниками слабейшим государством Европы.

Ключевые слова: Россия; Османская империя; Русско-турецкие войны; людские и финансовые издержки.

Примерно с середины XVIII в. как современники, так и большинство исследователей рассматривали Османскую империю как самую слабую из европейских держав (причем во всех областях), как «больного человека Европы»¹.

«А радеют все турецкие министры, – писал о Турции начала XVIII в. П.А. Толстой, – болши о своем богатстве, нежели о государственном управлении. И можно решить, что ныне турецкие вель-

¹ Принято считать, что именно так, обсуждая накануне Крымской войны Восточный вопрос с британским послом Сеймуром, назвал загнивающую державу Николай I.

можи получили по желанию своему удобное время к собранию себе неисчетных богатств, от расхищения народной казны, ибо попустилось им то небрежением султанским; О попечении их к войне или к покою не можно ныне ничего написать, понеже в том не имеют твердости, Аще усмотрят, что им болши можно собрать себе богатства, имея государство свое в покое, тогда будут пещися о спокойном пребывании, аще ли же покажется способ болшого их богатства от войны, тогда, не размыслив ни чем, войну зачнут...»¹.



Селим III (1761–1808), 28-й султан Османской империи (1789–1808), предпринявший неудачную попытку ее либеральной модернизации. Фрагмент портрета кисти К. Каппаглы. 1803

«... От чрезмерного угнетения мир впал в разруху, – признавался пришедший к власти в 1789 г. Селим III. – Вздохи и стенания реайи² достигают небес. Реайя осталась без сил. Нет ни судей, ни набивов, ни аянов³, которые бы не чинили насилия. Все они как раз из тех людей, каким обычно не поручают дела управления...»⁴.

«...Каждый самостоятельный начальник в Турции, – развивал его мысли известный отечественный историк А.Н. Петров, – выдумал новые, подчиненные ему должности, которые и продавал чуть не с молотка. При утверждении этих должностей, образовавших целый мир тунеядцев-чиновников, государственная казна не отягощалась выдачею им жалования, или же назначала им такое содержание, которое не давало возможности существовать; к тому же, все это жалованье, если и полагалось, переходило полностью в руки начальников, а чиновникам предоставлялось право делать какие захотят поборы с народа.

Благодаря такому порядку, во главе управления, в звании министров и губернаторов областей ставились люди, не имеющие никаких личных достоинств; напротив того, это были почти всегда люди, самые безнравственные, успевшие всеми неправдами скопить капитал и купить за него свое назначение. Зная, к тому же, непрочность своего положения и полнейшую безнаказанность действий – они старались наверстать, как можно скорее, сделанные прежде затраты и обеспечить себя на будущее...

Ясно, что при таком порядке все подчиненные турецкому администратору лица должны были стать жертвою его наглости и ненасытности. Он сам покупает место, продает места другим, от него зависящим; эти последние, в свою очередь, продают зависящие от них должности третьим лицам и т.д., пока иерархическая лестница не сойдет до народа, который уже ничего не покупает, а только платит, дает и страдает, пока есть чем платить, и пока истязаниями пытки не выдаст место, где у него спрятаны скромные сбережения на черный день...»⁵.

А вот описание состояния Османской империи 2-й половины XVIII в. в официальном турецком труде «История» («Tarih»):

«Как в центре султаната, так и в провинциях, административный порядок и административные нравы пришли в большое расстройство. Деньги и кинжал, – вот чем можно было все купить, все сделать, всего добиться... Тот, кто имел много денег, кому служили кинжал и меч янычаров и сипахи, мог либо подарками и взятками, либо устрашением достигнуть самых высоких чинов, даже поста великого визиря и шейх-уль-ислама»⁶.

Вполне соответствовало сказанному и состояние турецких вооруженных сил. Так, российский посол в Турции А.А. Вешняков уже в середине 1730-х гг. сообщал в Петербург, что за удовольствиями «века тюльпанов» османы «потеряли охоту воевать». Многие опытные полководцы «или погублены последним правлением, или померли» и «солдатства навоеванного также почти не имеют»⁷.

¹ Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М.: Наука, 1985. С. 44, 48, 56.

² Здесь, по-видимому, речь идет о податном сословии: реайя (мн. число, араб., букв. – паства, стадо; единств. число – райят) – «в странах Ближнего и Среднего Востока в эпоху феодализма: первоначально все подданные, затем собственно податное сословие – крестьяне и горожане <...> В Османской империи с XVIII в. реайя (райя) турки стали называть только немусульм. население, независимо от социального положения» (Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 863). (Прим. ред.).

³ «Аяны (араб. Эйяны, мн. число от айн, букв. – глаз, око) – в Османской империи правители городов, иногда округов, избравшиеся местной знатью, позднее сенаторы» (Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 1024). (Прим. ред.).

⁴ Шеремет В.И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М.: Технол. шк. бизнеса, 1996. С. 26.

⁵ Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Т. 1. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880. С. 62–63.

⁶ Цит. по: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1947. С. 51–52.

⁷ Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 176.



Турецкая мортира 1724 г. Национальный музей Ирака, Багдад. Фото с сайта <https://ospreypublishing.com/blog/ottoman-artillery-in-the-garden-of-the-national-museum-of-iraq/>



5,2-тонная турецкая пушка XVIII в. Морской музей, Гринвич, Великобритания. Фото с сайта <https://www.culture24.org.uk/history-and-heritage/art51608>



Турецкая корабельная пушка XVIII в. Исторический музей города Добрич, Болгария. Фото с сайта <http://archaeologyinbulgaria.com/2015/01/21/18th-century-ottoman-naval-cannon-seized-from-black-sea-treasure-hunters-exhibited-in-bulgarias-dobrich/>

Турецкая артиллерия, писал в 1770 г. в своем «Наставлении» для русских войск генерал П.И. Панин,

«...ни малейшим образом с нашею сравняема быть недостойна, потому: 1) Неприятель при полевом своем войске никогда не в состоянии противу числа нашей полевой и полковой артиллерии при себе иметь; ибо такого у него количества, какое у нас по штатам при войсках содержится, и в заведении еще поныне нет, со исключением тех смеха и презрения достойных малых пушек, коих он возит по две, повешенными на одного верблюда и из которых иначе не стреляют, как подьехав, заставят сию скотину наперед лечь, а сидевший на ней пушкарь, выстрелив из оных, отъезжает, где бы их в безопасном месте опять зарядить (и) приехать для другого по неприятелю своему выстрела; 2) То небольшое число пушек, которое сей неприятель не на верблюдах уже без лафетов, но с лафетами и на лошадях, а тяжелые большею частию на буйволах и на волах возит, совсем неспособны к скорым полевым пропорции. Да как лафеты под ними с такою неудобностию, так и канониры их с таким неискусством, что совсем не имеют способу орудия свои скоро не только по неприятелю нацеливать, ниже из стороны в сторону обращать, от чего пушки их, по весьма редкому обращению в другие стороны и без всегдашнего нацеливания, стреляя большею частию все по тому одному месту, по коему сперва начинают, очень мало, или так сказать, почти и ничего неприятелю вреда не делают... Такие малоподвижные неприятельские пушки не только анфиладной пальбою скоро сбивать, но и самого неприятеля, который, хотя и при таких своих недостаточных пушках, а имеет обычай вокруг их кругами держаться и легко могут лучшую свою надежду на них полагать, наижесточайшим образом поражать и рассыпать к доставлению тем совершенной над ними победы...»¹.

«...В XVIII в. воинские качества янычар резко снизились, — отмечал Ю.Р. Клокман. — Янычары стали пользоваться множеством привилегий. Они получили право жениться, жить вне казарм, заниматься ремеслами и торговлей, т.е. делать все то, что раньше им категорически запрещалось. Янычары получали большое жалованье деньгами и натурой, были подсудны только своим начальникам, не платили налогов...

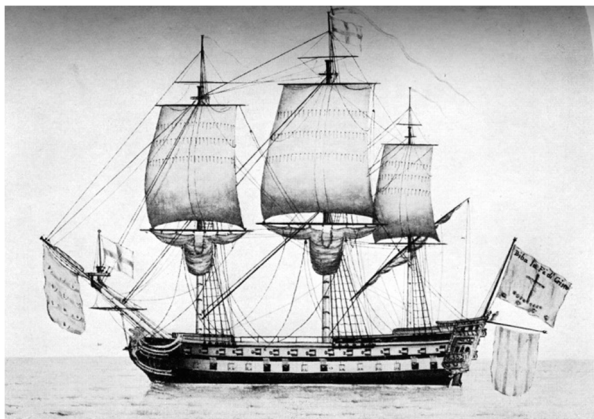
Этими своими правами и привилегиями янычары очень дорожили, предпочитая их военной службе. «Янычары вместо того, чтобы стараться научиться военным действиям, пребывали в обыкновенных своих промыслах», т.е. занимались торговлей, ремеслами, огородничеством. Они упорно сопротивлялись каждой, даже самой незначительной, попытке произвести реформу в армии и в частности в янычарском корпусе...

Так же, как и янычарская пехота, кавалерия сипахи в XVIII в. утратила значительную часть своей боеспособности, прежде стоявшей на довольно высоком уровне. Военные ленники обязаны были являться на войну с определенным числом вооруженных всадников, соответственно размеру лена; они уклонялись от несения военной службы, оседали на земле...

Существенным недостатком турецкой армии являлась слабая подготовка ее офицерского и рядового состава. Офицерство в подавляющей своей массе отличалось очень низким уровнем военных знаний, и лишь незначительная часть его владела самыми элементарными сведениями по тактике. Немногим лучше было положение и среди генералитета. Действия турецких генералов (пашей) по руководству

¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Кн. 3. СПб.: Тип. Окружного штаба, 1891. Приложения. С. 40.

войсками характеризовались крайней медлительностью и чрезмерной осторожностью, почти полным отсутствием собственной инициативы и решительности из-за вечного страха вызвать гнев султана и окружающих его кругов придворной знати, погрязших в дворцовых интригах...»¹



Турецкий 70-пушечник образца 1760 г.
Акварель конца XVIII в.

«Корабли турецкие, – писал в 1770-х барон де Тотт, – были высоки, при самом слабом ветре черпали воду нижними батареями и представляли неприятелю много дерева, но мало выбрасываемого металла; движения их были тяжелы, и снасти и блоки лопались при всяком усилии; они не имели никакой правильности в нагрузке, и никакого знания в морском деле; рулем управляли тридцать человек, находившихся внизу, в констпельской, исполняя приказания рулевого, который кричал им стоя сам на шканцах; батареи были обыкновенно загромождены разным хламом и повсюду орудия разнокалиберные. В таком материальном состоянии находилась тогда армада эта, и, к довершению всего, управление ею поручаемо было людям в равной мере невежественным. Назначение в командиры судов было делом особой спекуляции, нисколько не казав-

шейся предосудительной. Так как многие искали этого назначения, то капудан-паша отдавал корабли тем, которые более платили за них, предоставляя им в свою очередь, продавать многие свои должности на судах, и от этого управление дошло до такого беспорядка, что морские силы Турции готовы были уничтожиться сами собою, без помощи неприятеля. Ежегодно небольшая эскадра их выходила только в летние месяцы в Архипелаг для собрания податей с жителей и притеснения их, или для крейсерства против пиратов в тех водах, и потому офицеры, не привыкшие к другого рода плаванию, чужды были всякой военной дисциплины, всяких правил и не имели никаких знаний и опытности»².

«Не могу тебе описать, – вторил барону еще один современник эпохи, А.С. Шишков, – как беспорядочно у них все на корабле, и какие они худые мореходцы! – Лениость, невежество и любовь к покойному житию суть три ядовитые для мореплавания вещи, а у них они то и являются в самой высшей степени ... Теперь я не удивляюсь, что они далеко в море на кораблях своих ходить не могут, а дивлюсь тому, как они и поблизости ходят, не теряя часто и жизнь свою, и судов [курсив наш – А.Л.]»³.

«Между турецкими морскими начальниками, – отмечали работавшие в Турции в 1780-х гг. французские инженеры, – не найдется ни одного, который имел бы малейшее понятие о навигации и морской тактике, никто не может получить командования над кораблем иначе, как заплатив за это известную сумму; причем предпочтение дается тому, кто больше даст.

На турецких кораблях не существует никакого порядка, никакой дисциплины. Выдача продовольственных припасов неравномерна; отпуск воды не подчинен никаким правилам. Каждый ест особо, что и когда вздумается и командиру судна невозможно определить, на какое время у него останется припасов и как долго он может держаться в море.

Из 24 линейных кораблей 8 не могут выйти в море по своей негодности; а остальные 16, хотя и новы, но вследствие небрежности их содержания, долго прослужить не могут. Говоря вообще, невежество, беспорядок, кража и небрежность в морской турецкой администрации, заходят так далеко, что мы ни мало не сомневаемся в том, что ни один турецкий корабль не в состоянии внушить малейший страх неприятелю»⁴.

«У турок почти вовсе нет постоянных морских команд, исключая малого числа чиновников морской службы, – свидетельствовал в конце XVIII в. капитан-лейтенант русского флота Е. Метакса, – как-то: командиры судов, несколько способных офицеров, лоцманы и мастеровые; сии последние большею частью греки, получающие изрядное содержание, остальная же часть экипажей набирается без разбора, между простым народом в самом Константинополе и в окрестностях оного, всякий раз когда флот выступает в поход.

Невольники из христиан (особенно же мальтийцы) оснащают флот и употребляются в море для верховых работ, уборки парусов, взятия рифов и проч. Зимой работают они в адмиралтействе, а летом распределяются по кораблям, назначенным в поход... На турецких кораблях при выходе в мо-

¹ Клокман Ю.Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 47–49, 51.

² Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1856. С. 165–166.

³ Меркулов И.В., Меркулова М.Д. Экспедиция российской эскадры в Константинополь в 1776–1779 гг. // Гангут. 2012. № 67. С. 66.

⁴ Петров А.Н. Вторая турецкая война... Т. 1. С. 61.

ре бывает весьма много народу: – на линейных по 800, а на фрегатах по 500 человек; возвращаются же они обратно в порт едва с половинным числом. Во всяком месте, куда эскадра заходит для налития воды или для исправления, уходят люди толпами, хотя жалование получают токмо по окончании похода. Но можно ли ожидать чего-нибудь другого от насильственного набора в матросы людей, не бывавших никогда в море?

На турецких кораблях команды расписаны по вахтам, но переключка бывает однажды во весь поход, т.е. при вступлении в первый раз под паруса, после сего всякий делает что хочет. При уборке парусов, а особенно в погоду, происходит величайший беспорядок...

Турки не ведут счисление. Журналы их содержат дни ухода и прихода в порты, рассылку гребных судов, количество привозимого провианта и расход снарядов. На одном токмо адмиральском корабле был компас на градусы разделенный...»¹.

В XIX в. турки, правда, предприняли целый ряд реформ, направленных на исправление наиболее тяжелых пороков своего государства и его вооруженных сил, но преуспели не сильно.

«Турецкий историк в своей диссертации об Османском флоте в XVIII в., – пишет Э.Б. Созаев, – назвал период 1827–1847 гг. “периодом хаоса”. Я его спросил: “Но ведь были построены отличные корабли, турки получили мощные парово-фрегаты, более сильные, чем наши в Черноморском флоте, и даже первый винтовой фрегат, бомбические пушки и многое другое”. На что он ответил, что была огромная проблема с личным составом: при Наварине погибло почти 8000, в основном, турки. Система управления и организация морского ведомства остались на уровне XVIII в., первое морское училище, созданное в 1790-х гг., к 1820 г. деградировало до обычного медресе, в котором преподавалось богословие. Но и до Наварина эффективность Османского флота была низкой. В 1822 г., когда греки осаждали Навплию, а греческий флот из 60 судов... блокировал остров, на выручку прибыл капудан-паша, имевший 84 корабля, в т.ч. 7 линейных и 15 фрегатов. Но турки не решились на сражение, и после канонады на дальней дистанции, ушли, бросив турецкий гарнизон на произвол судьбы. Между тем, греческие суда не были военными, это были небольшие частные торговые и транспортные корабли.

Французский историк Панзак... опубликовал ряд интересных работ по Османскому флоту. Капитаны кораблей и вообще старший и высший офицерский состав набирался только из представителей османской аристократии. Как правило, морское дело они не знали и стремились что-то заработать от новой должности, чтобы возместить расходы на взятки для получения этой должности. Командование кораблем можно было получить и в награду. Адольфус Слейд, бывший на османском флоте в 1829 г., сообщает, что 50-пушечным фрегатом командовал капитан, бывший 4 месяца назад пажом у султана...»².

«Не берусь описывать ужасного беспорядка, – вспоминал про выход турецких кораблей в Черное море в 1829 г. упомянутый выше британский офицер А. Слейд, – между тысячею четырьмястами человек, говоривших на двадцати языках, в первое сделанное мною ученье. Они забавлялись им и шумели, но были послушны. Топчи-баши (старший артиллерийский офицер) усердно помогал мне в этом деле, и тростью вразумлял непонятливых... *Хотя люди и имели расположение к занятию, но лень преобладала так сильно, что я не мог делать ученья более одного раза в день, и то самое непродолжительное время* [курсив наш – А.Л.]. Они довольно хорошо выдвигали и вдвигали орудия и не посылали уже ядра прежде картуза; но все я не мог приучить их затыкать запал: и как не убеждал в опасности подобного пренебрежения, но слова мои оставались тщетными и притом, по самой простой причине: человек, который должен был исполнять это, не мог испытать на себе важности последствий. “Всяк за себя, один Бог за всех”. Какое дело комендору, оторвет ли руку или нет посылающему заряд. Впрочем это была безделица, на которой я не очень и настаивал, в сравнении с главным предметом ученья, а именно с прицеливанием; неспособность их в этом превосходила всякое вероятие. Не видав никогда, даже не допуская мысли, чтобы целая команда могла состоять из новобранцев, первое время я приписывал их упрямству; комендоры старались более всего держаться подалее от орудий во время отдачи, то же самое было и в примерном ученьи. Назначая самую видную цель, именно борт корабля на траверзе, через пять или десять минут я обходил проверять прицелы, и часто во всей батарее не находил ни одного хотя сколько-нибудь близкого: одни были направлены в бом-брам-реи, другие в полрангоута, и так далее. Устройство глаз, казалось, подчинялось у них особенным законам...

Пушки не имели прицелов, ни даже мушек; но главнейший недостаток состоял в клиньях, вместо которых употреблялись куски грубо-обделанного дерева, почти равной толщины с обоих концов; в следствие чего было почти невозможно поставить орудие горизонтально; даже приведенное в такое положение, оно могло опу-

¹ Метакса Е. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг.: Типография Морского министерства, 1915. С. 17–19.

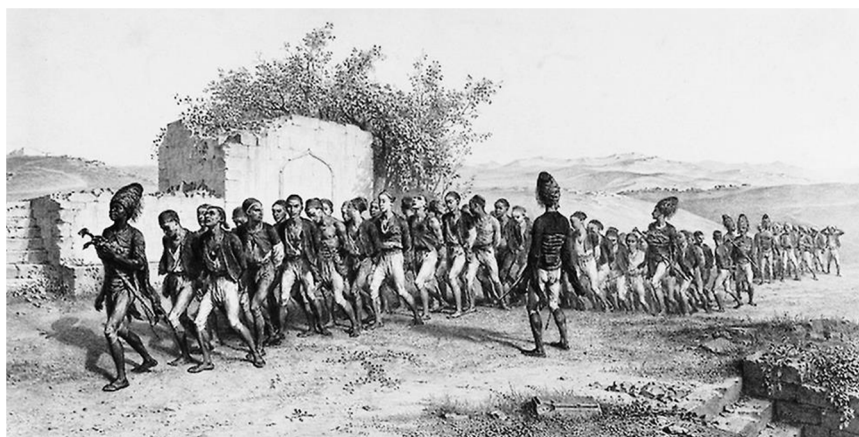
² Созаев Э.Б. Износ эскадры Сенявина в кампании 1807 года до Афонского сражения. [Электронный ресурс] // Цусимские форумы. 2016. 4 апр. Режим доступа: <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=9557&p=14>.

ститься казенной частью при откате, и остаться так во все время действия, что я и видел, потому что ни кто не думал привести его в надлежащее положение [курсив наш – А.Л.]...

Работы на корабле шли порядочно, но рифы брались самым неисправным образом, чему виною были более паруса, нежели люди [курсив наш – А.Л.]...

Общие действия флота не были так счастливы как действия отдельных судов. В лавировке мы поворачивали всегда последовательно, почему в ночное время некоторые суда сходились между собою, но, не претерпевали повреждений, кроме одного случая с двумя корветами, которые и были принуждены воротиться в порт; появление их в Босфоре в жалком состоянии подало повод думать, что весь флот был взят или потоплен. Частые повторения подобных случаев вывели, наконец, пашу из терпения, и он спросил у меня совета, как бы их прекратить. С такими офицерами, какие вообще находились на эскадре, нельзя было поправить этого дела... »¹.

«Собственно солдат Турецкий хорош, – докладывал в Петербург в 1849 г. русский военный агент в Константинополе полковник граф К.И. Остен-Сакен, – понятлив и при надлежащем обучении способен к войне; но офицеры, а именно в пехоте и Кавалерии, особенно ниже Штаб-офицерского чина, большею частью без всякого воспитания и образования, мало различаются от простых солдат и невзирая на высокое о себе мнение почти не знают свое дело. Отличительные качества Мусульман: беспечность и равнодушие, заметны также между офицерами и совокупно с предрассудками Исламизма действуют вредно на состояние войск, в которых поэтому недостаток в способных начальниках весьма ощутителен. Дисциплина и субординация не соблюдаются строго, – черта, отделяющая старшего от подчиненного слабо означена и военного духа нет; притом же срок службы нижних чинов слишком короток чтобы довести армию до той степени тактического образования, которую она могла бы достигнуть при других обстоятельствах. Между Генералами весьма мало сведущих в военном деле... »².



Литографии Лемерсье по рисунку О. Раффе из серии *Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée...* (Париж. 1848): слева – «Турецкие егеря в Константинополе 7 ноября 1837 года» (лист 82), справа – «Призыв на военную службу по-турецки. Окрестности Смирны. 10 ноября 1837 года» (лист 85)

«...При чем присовокупляю, – писал 19 марта 1853 г. великому князю Константину Николаевичу вице-адмирал В.А. Корнилов, – что по личному моему мнению ... турецкий флот в руках турок к плаванью в море едва ли способен; но может быть ими употреблен в числе 5 линейных кораблей и 7 фрегатов к защите Босфора в виде плавучих батарей... »³.

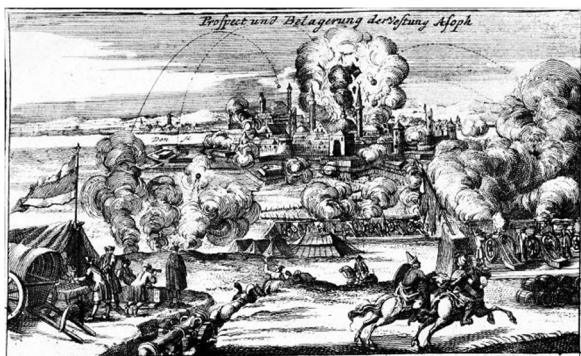
Казалось бы, борьба с таким противником для России должна, даже со всеми возможными оговорками, быть сравнительно малозатратной. По крайней мере, с середины XVIII в.: начиная с этого времени военно-экономический потенциал России традиционно оценивается как намного более высокий, нежели турецкий, а армия так и вовсе считается одной из сильнейших в Европе...

Однако на практике получалось иначе. Начнем с того, что подавляющее большинство русско-турецких конфликтов оказались крайне затяжными. Так, война 1735–1739 гг. продолжалась 3 года 11 месяцев, 1768–1774 гг. – 5 лет 9 месяцев, 1787–1791 гг. – 4 года 3 месяца, 1806–1812 гг. – 5 лет 5 месяцев. И лишь войны 1828–1829 гг. и 1877–1878 гг. «обошлись» в 1 год 5 месяцев и 11 месяцев соответственно.

¹ Елагин С. Появление турецкого флота на Черном море в 1829 г. // Морской сборник. 1850. Т. 4. № 10. С. 306–308, 313–314, 321.

² РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 45. Л. 15–18. См.: Донесение русского военного агента в Константинополе полковника Остен-Сакена о состоянии турецкой армии и Босфорских укреплений в 1852 г. [Электронный ресурс] // Восточная литература. 2011. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1840-1860/Osten_Saken/dones_08_07_1852.htm.

³ Зайончковский А.М. Восточная война, 1853–1856: В 2 т. Т. 1. СПб.: «Полигон», 2002. С. 916.



Осада Азова русскими войсками в 1736 г.
Немецкая гравюра. 1740



Взятие Очакова русскими войсками 13 июля 1737 года.
Английская гравюра середины XVIII в.

А стоимость военных действий? «Война стоила страшно дорого, – писал о событиях 1735–1739 гг. В.О. Ключевский, – в степи, в Крыму и под турецкими крепостями уложено было до 100 тыс. солдат, истрачено много миллионов рублей; показали миру чудеса храбрости своих войск, но кончили тем, что отдали дело во враждебные руки французского посла в Константинополе Вильнева...»¹.

«Для основной массы податного населения ... России, – оценивает влияние той же войны Н.Н. Петрухинцев, – еще не вполне оправившегося от масштабного голода 1733–1735 гг., вызванные войной повинности ... были крайне негативным фактором. Они не только снивелировали те податные льготы, которые были предоставлены за предшествующее десятилетие верховниками и аннинским правительством путем периодических снижений подушной подати, но и значительно ухудшили материальное положение населения... Не оставляет никакого сомнения в том, что Русско-турецкая война 1735–1739 гг. стала подлинным бедствием для России, начисто перечеркнувшим “благие начинания” первой половины аннинского царствования»².

«За четыре года войны (1736–1739) в армию было взято почти 5% учтенного мужского населения – 160.100 человек. Поэтому наиболее часто называемая итоговая цифра потерь (100.000 человек), вероятно, все же занижена. Одни только походы Леонтьева и Днепровской армии Миниха должны были унести, по оценкам, не менее 99 000 жизней, а с учетом Донской армии Ласси потери должны составить не менее 113 000 человек, т.е. почти половину армии России...»

К минимальной цифре армейских потерь в 113 000 человек должны быть добавлены потери украинского населения за годы войны (34 200 человек) и известные (только для 64 населенных мест Воронежской и Белгородской губерний и Слободжанщины, но не для Гетманщины!) потери населения от эпидемии чумы в 1738-м (9994 человека) – что составит в общем итоге 157 200 человек. И это без учета потерь части нерегулярных войск ... потерь населения от татарских набегов ... и потерь гражданского населения южнорусских губерний в ходе выполнения строительной ... и транспортной ... повинностей.

Таким образом, людские потери России в Русско-турецкой войне можно, вероятно, без существенного преувеличения оценить минимальной цифрой в 150 000–160 000 человек – то есть приблизительно в 1% всего населения России»³.

На чрезмерную тяжесть для России войны 1735–1739 гг. указывают и сделанные в 1740-м наблюдения французского дипломата Ж.-И. Шетарди:

«...1) недостаток в деньгах доказывается во-первых недоимками сборов, накопившимися в продолжении многих лет до полутора миллионов рублей и, не смотря на строгости ко взысканию их, принуждены были сложить их с подданных, под предлогом милости по случаю заключения мира; во вторых, обращением в настоящее время от 6 до 12 миллионов рублей медной пятикопеечной монеты, вместо двух мил., которые были выбиты сначала... 2) недостаток в людях доказывается во-первых, рекрутским набором с жителей язычников, крестьян, работающих на сибирских рудниках, детей духовенства и людей очень молодых; во-вторых, тем, что этого не бывало в самые тяжелые времена царствования Петра I. 3) по-видимому, нельзя многого ожидать от армии... потому, что она вся состоит из рекрутов, несмотря на все старания скрыть понесенные ею потери...»⁴.

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1995. С. 141–142.

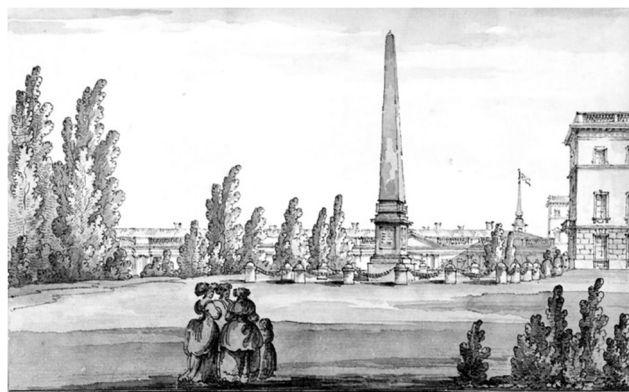
² Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Издательство Политическая энциклопедия, 2014. С. 703–704, 708.

³ Петрухинцев Н.Н., Вишняков Я.В. Путь к Тавриде. Борьба России за выход к Черному морю и присоединение Крыма к России (1687–1783) // История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 146–147.

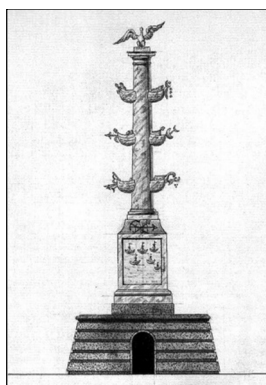
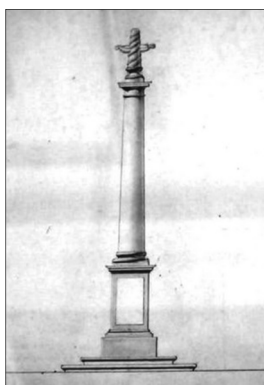
⁴ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. М.: Типография Иосафата Огризко, 1862. С. 93–94.



Битва при Кагуле 1770 г. Гравюра Д. Ходовецкого, 1793



Кагульский обелиск в Царском Селе. Акварель Дж. Кваренги, XVIII в.



Памятники в честь победы в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. в Царском Селе: наверху – Морейская (слева) и Чесменская (справа) колонны (чертежи XVIII в.); внизу – Крымская колонна (фототипия из альбома «Царское Село», 1897)

Не менее сложной оказалась и Русско-турецкая война 1768–1774 гг.

«Большие расходы и потери вследствие затрат в Польше и для содержания флота, – оценивал положение Российской империи уже после двух (!) лет этой войны английский дипломат Ч. Каткерт, – никаких средств получить денег посредством займов за границей; никаких средств получить денег внутри государства увеличением налогов, так как бедные и средние классы были бы раздавлены прежде чем богатые начали бы страдать... Казна еще не совершенно истощена, но весьма обеднела... Рекрутские наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны...»¹.

К началу 1774 г. ситуация еще более осложнилась.

«...Настоящее понижение курса и различные переговоры, неудачно предпринимаемые по вопросу о денежном займе, – сообщал в феврале в Лондон Р. Гуннинг, – ясно доказывают истощение казны; если прибавить к этому затруднительность рекрутского набора, повсюду преобладающее недовольство и необходимость употреблять на усмирении мятежа [Е.И. Пугачева – А.Л.] столь многочисленный отряд, как корпус Бибикова, из всего этого естественно следует заключить, что Россия не имеет более средств продолжать войну...»².

«В этот период с 1769 по 1774 г., – обобщал Л.Г. Бескровный, – расходы на армию и флот поглощали примерно 50–60% всего бюджета. Недоста-

ток средств для закупок провианта правительство восполнило путем выпуска бумажных денег в размере 20 млн. руб. Но и этой суммы оказалось недостаточно, поэтому пришлось прибегнуть к заграничному займу в 5 млн. рублей»³.

«Показателем больших потерь, – указывает Н.Н. Петрухинцев, – являются рекрутские наборы. Именно за эти шесть лет (с 1768-го, когда страна уже готовилась к войне, по 1773-й год, когда в основном завершились военные операции) тяжесть их оказалась максимальной за все предшествующие годы XVIII в. – в рекруты ежегодно бралось по 0,69% населения России... За эти шесть лет в армию были взяты 347 183 рекрута – больше (или лишь немногим меньше, по другому подсчету), чем за все царствование Петра I, ведшего тяжелую 21-летнюю Северную войну, и на четверть больше, чем за все почти 11-летнее царствование Анны Иоанновны (275 483 рекрута). Очевидно, и совокупные потери России в эту войну были не меньше аннинских, и уж во всяком случае вряд ли менее 100 000 человек»⁴.

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 19. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1876. С. 166–167.

² Там же. С. 402–403.

³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 377.

⁴ Петрухинцев Н.Н., Вишняков Я.В. Указ. соч. С. 159–160.

Добавим к сказанному финансовые затраты в 34,7 млн. рублей только на ведение военных действий¹, и картина будет более или менее полной.

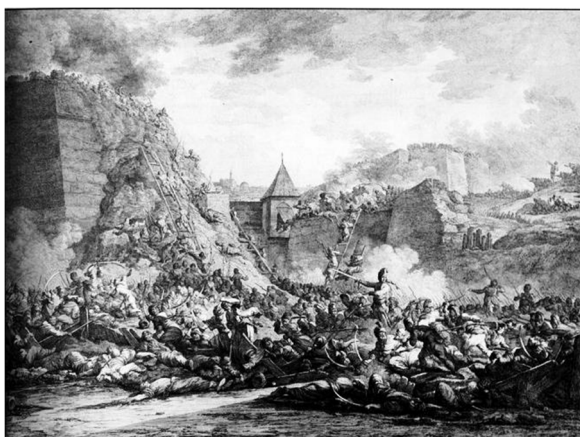
Далее следует одна из самых блистательных Русско-турецких войн в истории России – война 1787–1791 гг. Увы, издержки ее тоже оказались «блистательными». Уже в конце 1789 г. А.А. Безбородко вынужден был признать:

«Не столько войска меня беспокоят ... сколько крайняя скудость в деньгах. В мирное время промотались до крайности; неурожай хлеба и худая экономия в войсках истощили все ресурсы, которые от банков и внешних займов получены... Написанные в рескрипте 60 миллионов, на войну издержанные, и мы теперь в таком состоянии, что на следующий год до десяти миллионов не достанет...»².

В 1790 г. его оценка ситуации стала еще более жесткой:

«Что война с Портою и поныне продолжающаяся, и другая, недавно с Шведским королем оконченная, привели государство в большое истощение как и людьми, так и деньгами, – в том не может быть ни малейшее сомнение. Число рекрут, в течение четырех лет взятых из всяких состояний народных, простирается за 400 000 человек. Что же касается до денег, недостаток в них так велик, что и самые налоги не могут удовлетворить нуждам нашим. Вексельный курс с начала Турецкой войны и по сию пору упадать продолжает. Займы внешние от часу становятся затруднительнее...»³.

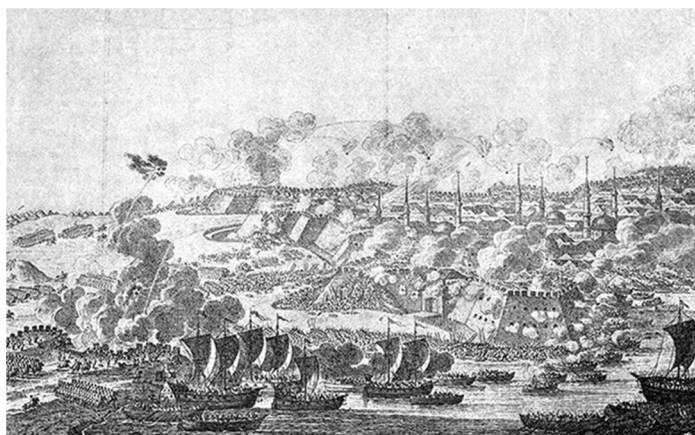
И хотя войну довели-таки до победного конца, издержки получились запредельными: до 150 тыс. человек погибшими и умершими, порядка 68 млн. рублей расходов, увеличение дефицита государственного бюджета до 45 млн. рублей⁴, внешние займы на сумму 39 млн. рублей, «т.е. вшестеро больше, чем образовалось долга за все предшествовавшие 20 лет»⁵. О «страшной



Штурм Очакова в декабре 1788 г.
Гравюра А. Берга, 1792



Граф Александр Андреевич Безбородко (1747–1799), фактический руководитель внешней политики Российской империи. Гравюра с портрета кисти И.Б. Лампи 1792 г.



Штурм Измаила 1790 г. Наверху – гравюра 1790-х гг., внизу – гравюра С.П. Шифляра по акварельному рисунку М.М. Иванова, начало XIX в.

¹ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская тип., 1906. С. 314–315.

² Архив князя Воронцова. Кн. 13. М.: Тип. Лебедева, 1879. С. 172.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 29. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. С. 86.

⁴ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 366.

⁵ Там же. С. 365. Причем в последующие годы финансовый кризис лишь усугублялся, доведя падение стоимости бумажных денег до 46–50 копеек, а государственный долг – до 205–215 млн. руб. (что равнялось «трем средним бюджетам последней половины царствования»). См.: Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 373, 378.; Денисов А.Е. Государственные займы Российской империи 1798–1917 гг. М.: Финансы и Кредит, 2005. С. 6.

дороговизне людьми и деньгами» этой войны писал и В.О. Ключевский, прибавляя, что особенно заметным это становится на фоне полученного результата¹.

Общий же итог стоимости войн России при Екатерине II подвел Н.С. Мордвинов.

«Эпоха с 1767 по 1796 год, – писал он, – составляет великое торжество для россиян, громкими победами прославившихся и не тщетно напрягавших свои усилия, но распространивших пределы империи. Однако, в сии 29 лет превратилось земледельцев в воины 1 067 458 ... Если бы к счетам о издержках военных присовокупить и счет о людях, то нашлось бы, что деньгами, считая и людей, потеряла Россия в прошедшее столетие, в одних их, более 500 миллионов рублей, по самой дешевой цене. Ибо никакою платою невозможно способствовать размножению человеческого рода, ежели самые здоровые и способные люди осуждаются на безженство и гибнуть, не оставляя по себе потомства. С достоверностью полагать можно, что каждый рекрутский набор вместе с собою погубляет столько же детей, для государства родиться могущих, сколько отцов их взято в рекруты, и постепенно ослабляет тем могущество областей, которых главная сила состоит непосредственно в многолюдстве»².



Апофеоз царствования Екатерины II. Художник Г. Гульельми, 1767

Вспомним и оценку положения России в 1796 г., сделанную сардинским послом, бароном де-ла-Турбиа:

«Вообще [за исключением военных] все ее подданные всех классов утомлены войною вследствие ежегодных рекрутских наборов, которые столь изнурительны для крестьян в государстве, где так мало щадят солдата, и которые обращаются в самый разорительный налог для собственников в стране, где все богатство измеряется количеством крепостных крестьян...»³.

Тем временем Русско-турецкие войны продолжали дорожать. Война 1806–1812 гг., предпринятая, по словам А.Ф. Ланжерона,

«...без всякого благовидного повода, и, если я смею сказать против добросовестности, против здоровой политики и даже против интересов России, война, которая ничего не создала и только послужила поводом к раздаче множества крестов и чинов, в большинстве случаев очень скверно рас-

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 238.

² Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. С. 483–484.

³ Письмо сардинского посла, барона де-ла-Турбиа о России 1796 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1900. № 4. С. 12.

пределяемых», – эта война «нам стоила 3-х главнокомандующих, 23 генерала, и множество лучших офицеров, а также 150 000 славных солдат, из которых 30 000 легли от огня неприятеля, а остальные погибли в госпиталях...»¹.

Ланжерон слегка перегнул палку, но действительно, вступая в эту войну, Александр I «не имел концепции войны и не выработал внятного политического курса в отношении Османской империи»².

Во-вторых, пусть не 150 тысяч, но не менее 110 тыс. солдат и офицеров русская армия все-таки потеряла³. И, в-третьих,

«...закрытием проливов Россия была навсегда вычеркнута из числа держав, имеющих постоянное влияние в Средиземном море, а русский флот (не Черноморский только, а весь русский флот) почти на четверть века был обречен, как боевая сила на самое жалкое существование»⁴.

Немалыми были и финансовые издержки. Правда, точная их сумма неизвестна, но, судя по данным Н.С. Мордвинова, только чрезвычайные траты и только на содержание Молдавской армии составили не менее 50 млн. руб.⁵. Не менее показательно и то, что общие военные издержки России в 1807–1811 гг. ежегодно превышали показатели 1806 г. на 21–67 млн. руб., в совокупности дав порядка 260 млн. руб. А ведь военные действия в это время велись еще только со шведами и с персами.

Еще дороже обошлась война 1828–1829 гг.

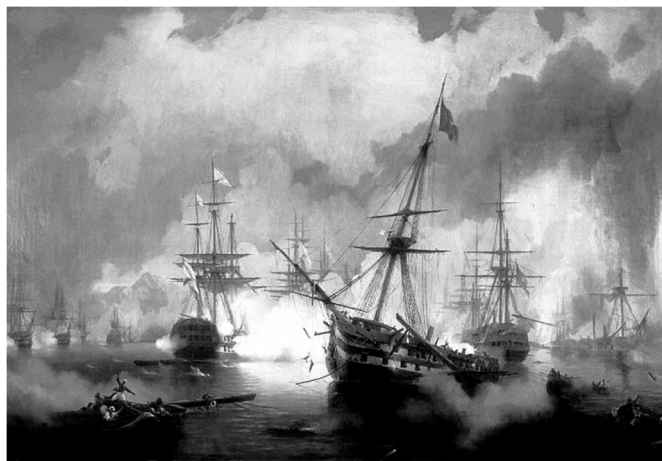
«Хотя русское командование, основываясь на опыте войны с Турцией в 1806–1812 гг., приняло ряд мер к улучшению госпитального дела армии, но все эти меры не помогли предотвратить распространение эпидемий. С наступлением знойных дней в июле 1828 г. стало быстро увеличиваться число больных. Кампания следующего, 1829 г. была еще более тяжелой, так как в армии появилась чума, от которой погибло 23 098 солдат и офицеров – свыше двух третей всех заболевших. В 1828 г. умерло от болезней 22 023, а в 1829 г. – 83 025 человек. Особенно велика была смертность после заключения мира с Турцией (Адрианопольский мир был подписан 2 сентября, а за сентябрь – декабрь умерло свыше 43 тыс. человек). Но так как смерть этих солдат явилась прямым следствием войны, они



Афонское сражение 19 июня 1807 года.
Художник А.П. Боголюбов, 1853



Осада Варны русскими войсками 1828 г.
Художник А.И. Зауервейд, 1836



Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года.
Художник И.К. Айазовский, 1846

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 270.

² Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 198.

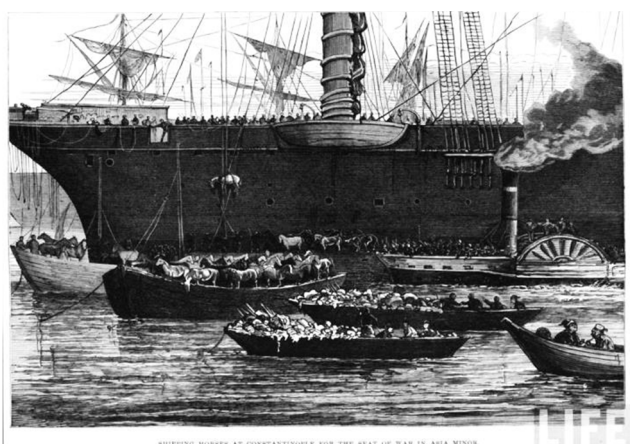
³ Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб.: Тип. об-ва «Общественная польза», 1861. С. 85.; Урланис Б.Ц. История военных потерь. М., СПб.: АСТ; Полигон, 1998. С. 93, 282–283.

⁴ Каллистов Н.Д. Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806–12 гг. // Морской сборник. 1910. № 2. С. 22.

⁵ По Н.С. Мордвинову, в год эти расходы составляли порядка 9 млн. рублей (Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1902. С. 468.).



Штурм крепости Карс 23 июня 1828 года.
Художник Я. Суходольский, 1839



Русские корабли перевозят лошадей на театр военных действий
в Малую Азию. Иллюстрация из журнала Life, 1877



Взятие Гривицкого редута под Плевной. Иллюстрация из
журнала Life (перепечатан в журнале «Нива»), 1877

должны быть причислены к военным потерям. С учетом потерь в Азиатской Турции общее число умерших от болезней в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. составило 110 тыс. человек»¹.

При этом турки, судя по всему, потеряли не более 80 тыс. человек²!

А ведь была еще и финансовая сторона вопроса, и довольно существенная. В 1828–1829 гг. только на военные действия было истрачено более 208 млн. руб.³, не считая порядка 400 млн. потраченных на текущее обеспечение армии и флота⁴. И это «при доходной части бюджета в 1265 млн. руб.»⁵. То есть «на ведение войны было израсходовано почти 60% трехлетнего бюджета»⁶! Четверть прямых расходов на армию в ту войну покрыли ценностями из «персидской контрибуции», но 21 млн. руб. серебром пришлось занять у голландских банкиров⁷.

О негативном влиянии войны на жизнь страны писал и английский путешественник Дж. Александер, оставивший, пожалуй, одно из самых объективных описаний России.

«За последний год в Санкт-Петербурге отношение к войне переменилось. В 1828 г., когда все предвкушали скорое падение Константинополя, преобладала эйфория. Однако после тяжелого поражения под Силистрией [речь идет о неудачной осаде этой крепости – А.Л.], видя, что прекращения военных действий не ожидается, люди страстно захотели мира. Стала ощущаться нехватка денег, начались новые наборы рекрутов, везде зрело недовольство...»⁸.

Последней в череде рассматриваемых нами войн стала война 1877–1878 гг. – также выигранная очень дорогой ценой.

«Если в мирное время царская казна тратила на армию и флот около 25% всех доходов, – то с 1877 по 1879 год эти расходы превысили 50%. Бюджетом мирного времени было запланировано потратить на армию в 1877 г. 191,3 млн. руб., но война заставила дополнительно выделить на нее еще 428 млн. В следующем, 1878 г. только прямых военных расходов на сухопутную армию потребовалось более 614 млн. руб.»⁹.

¹ Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 283.

² Там же. С. 98, 284.

³ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. С. 16.

⁴ Разманова Н.А. Финансовая политика Российской империи. XVIII – первая половина XIX века. М.: Финакадемия, 2008. С. 169.

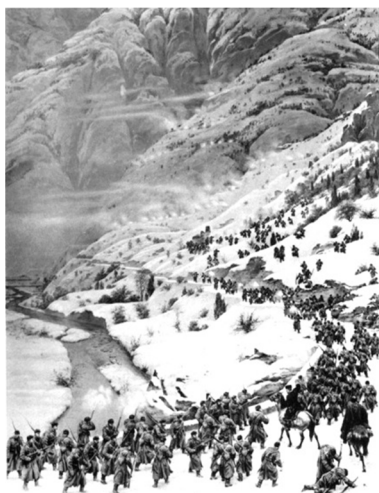
⁵ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука, 1974. С. 211.

⁶ Там же.

⁷ Татаринов С.В. К истории создания золотовалютных резервов России // Деньги и кредит. 2013. № 5. С. 61; Волюнец А. Сколько стоили русско-персидские войны [Электронный ресурс] // Профиль. 2016. 22 июля. Режим доступа: <https://profile.ru/culture/item/108864-skolko-stoili-russko-persidskie-voyny>.

⁸ Александер Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. М.: Аграф, 2008. С. 94.

⁹ Волюнец А. Сколько стоило освобождение Болгарии [Электронный ресурс] // Профиль. 2016. 2 сент. Режим доступа: <http://www.profile.ru/culture/item/109931-skolko-stoilo-osvobozhdenie-bolgarii>.



Взятие штурмом укреплений Горгохотанских высот 1 января 1878 года. Рисунок А.Д. Кившенко (1886) из памятного альбома «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в картинах русских художников»



Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой. Художник В.В. Верещагин, 1878–1879

Если же говорить об общей сумме чрезвычайных военных расходов, то за 1876 – 1882 гг. она достигла 1 075,4 млн. руб. (а вместе с тратами на железные дороги и морские порты 1 406,6 млн. руб.) и вызвала резкий рост дефицита государственного бюджета. В 1876 г. он доходил до 145,2 млн. руб., в 1877 г. – до 572,3 млн. руб., в 1878 г. – до 450,3 млн. руб.¹

Основным средством сбалансирования бюджета, как и следовало ожидать, стала эмиссия кредитных билетов временного выпуска, не обеспеченных золотым и серебряным содержанием. В 1876–1880 гг. ее сумма составила 1 810,7 млн. руб. Это, в свою очередь, вызвало серьезное расстройство денежного обращения; если в 1876 г. среднегодовой курс рубля был равен 80,7 коп. золотом, то в 1879 г. – только 63,2 коп.²

Состояние финансов осложнилось и замедлением роста налоговых поступлений.

«Массовые мобилизации, лишившие деревню сотен тысяч наиболее трудоспособных рабочих рук, нанесли тяжелый удар крестьянскому хозяйству... Недоимки по крестьянским платежам возросли с 31,9 млн. руб. в 1876 г. до 35,5 млн. руб. в 1877 и 1878 гг. и 36,5 млн. руб. в 1879 г.»³

В целом экономика России, при крайнем напряжении сил, выдержала испытание войной, но последствия этой последней оказались слишком чувствительными – особенно в сравнении с полученными результатами. «Военные расходы положили конец непродолжительному «профицитному» периоду и привели к хроническому бюджетному дефициту»⁴, а главное, «разразившийся на рубеже 1870–1880-х гг. финансовый кризис в очередной раз доказал несоразмерность военных нужд и денежных ресурсов страны»⁵.

Совсем не маленькими оказались и людские потери. Убитыми и умершими русская армия потеряла не менее 110 тыс. человек (при том, что турки – не более 80 тыс.)⁶.



Побежденные. Панихида. Художник В.В. Верещагин, 1877–1879

¹ Степанов В. Цена войны: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 111.

² Там же.

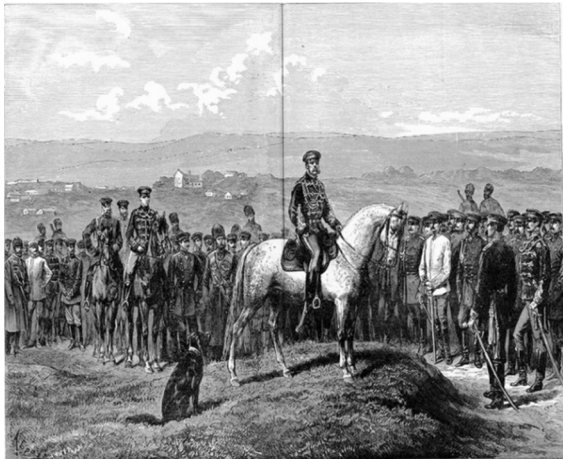
³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же.

⁶ Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 105, 291, 356.

«В итоге, — пишет А. Волюнец, — победа в той войне оказалась «пирровой». Получившая независимость Болгария вскоре сбежала из-под русского покровительства к Германии. Территориальные приобретения оказались незначительны, а гигантские расходы в миллиард с лишним рублей на полтора десятилетия отодвинули переход российских финансов к «золотому стандарту» и строительство Транссиба. Остро необходимая экономике железная дорога через всю Сибирь на Дальний Восток стоила ровно в три раза меньше, чем все прямые расходы на ту войну...»¹.



Император Александр II и великий князь Павел Александрович в Горном Студене (болгарском селении, где располагалась штаб-квартира Александра II). Рисунок из журнала «Нива», 1877

И еще несколько крайне интересных наблюдений.

«Историк России, — писал известный отечественный предприниматель и меценат В. Кокорев, — будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия, по два раза в каждое царствование, воевать с какими-то турками... Покойное и правильное развитие русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку... произвели бы гораздо большее давление на Порту, нежели напряженные военные действия»².

«Мы предпочли донкихотствовать на последние гроши русского мужика, — отмечал инженер, промышленник и журналист В.А. Полетика. — Сами лишнные всяческих признаков гражданской свободы, мы не уставали лить русскую кровь за освобождение других ... разорялись за водружение креста на Софийском холме...»³.

«За скудное вознаграждение, — оценивала итоги русско-турецкого противостояния в XIX в. американская исследовательница Б. Елавич, — Россия заплатила громадную цену, которую она, как отсталая страна, не могла себе позволить»⁴.

Материальное положение балканского населения было намного лучше, чем у российского крестьянина, налоги на которого поддерживали русскую армию на Балканах. Словом, Россия уподобилась храброму рыцарю, который вырвал деву (Балканы) из лап дракона (Османской империи), а красавица вместо благодарности устремилась к другому возлюбленному (Западу), да еще и обвинила спасителя в низменных побуждениях⁵...

Такая вот получается цена побед над «больным человеком Европы». Цена, прямо скажем, чрезмерно высокая, порождающая весьма неприятные вопросы не только к политике русских монархов, но и к планированию и осуществлению военных операций (то и другое в свете сказанного явно требует своего переосмысления). Тем более, что как ведущие европейские державы, так даже и... донские и запорожские казаки (причем еще в XVII в., когда турки были несравнимо сильнее)⁶ не раз демонстрировали примеры гораздо более быстрого и дешевого воздействия на турок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 450. Оп. 1. Д. 45.
2. Александр Дж. Россия глазами иностранца. М.: Аграф, 2008.
3. Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901.
4. Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902.
5. Архив князя Воронцова. Кн. 19. М.: Университетская тип., 1881.
6. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.
7. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука, 1974.
8. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.
9. Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010.
10. Волюнец А. Сколько стоили русско-персидские войны [Электронный ресурс] // Профиль. 2016. 22 июля. Режим доступа: <https://profile.ru/culture/item/108864-ckolko-stoili-russko-persidskie-voyny>.

¹ Волюнец А. Сколько стоило освобождение Болгарии...

² Скальковский К. Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. Сост. К. Скальковский в 1904 г. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 71.

³ Там же.

⁴ Jelavich B. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1914*. Cambridge, 1991. 183.

⁵ Jelavich B. *Op. cit.* 183–185; Исаева О.Н. Балканская ловушка для Российской империи // Славянский сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 71.

⁶ См., напр.: Королев В.Н. Босфорская война. М.: Вече, 2007.

11. Вольнец А. Сколько стоило освобождение Болгарии [Электронный ресурс] // Профиль. 2016. 2 сент. Режим доступа: <http://www.profile.ru/culture/item/109931-skolko-stoilo-osvobozhdenie-bolgarii>.
12. Денисов А.Е. Государственные займы Российской империи 1798–1917 гг. М.: Финансы и Кредит, 2005.
13. Донесение русского военного агента в Константинополе полковника Остен-Сакена о состоянии турецкой армии и Босфорских укреплений в 1852 г. [Электронный ресурс] // Восточная литература. 2011. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1840-1860/Osten_Saken/dones_08_07_1852.htm.
14. Елагин С. Появление турецкого флота в Черном море в 1829 г. // Морской сборник. 1850. Т. 4. № 10. С. 291–326.
15. Зайончковский А.М. Восточная война, 1853–1856: В 2 т. Т. I. СПб.: Полигон, 2002.
16. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 250–273.
17. Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб.: Тип. об-ва «Общественная польза», 1861.
18. Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.
19. Исаева О.Н. Балканская ловушка для Российской империи // Славянский сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008.
20. История Крыма / Ред. С. Кодзова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
21. Каллистов Н.Д. Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806–12 гг. // Морской сборник. 1910. № 2. С. 1–47.
22. Клокман Ю.Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
23. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1995.
24. Королев В.Н. Босфорская война. М.: Вече, 2007.
25. Лебедев А.А. Константинопольские планы России эпохи «Греческого проекта»: теория и жизнь // Гангут. 2012. № 69. С. 71–98.
26. Лебедев А.А. Константинопольские планы России эпохи «Греческого проекта»: теория и жизнь // Гангут. 2012. № 70. С. 102–129.
27. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. М.: Типография Иосафата Огризко, 1862.
28. Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Кн. 3. СПб.: Тип. Окружного штаба, 1891.
29. Меркулов И.В., Меркулова М.Д. Экспедиция российской эскадры в Константинополь в 1776–1779 гг. // Гангут. 2012. № 67. С. 60–74.
30. Метакса Е. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг.: Типография Морского министерства, 1915.
31. Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1947.
32. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Т. 1. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880.
33. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука, 1990.
34. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОССПЭН, 2014.
35. Петрухинцев Н.Н., Вишняков Я.В. Путь к Тавриде. Борьба России за выход к Черному морю и присоединение Крыма к России (1687–1783) // История Крыма / Ред. С. Кодзова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 113–165.
36. Письмо сардинского посла, барона де-ла-Турбиа о России 1796 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1900. № 4. Отд. II. С. 1–22.
37. Разманова Н.А. Финансовая политика Российской империи. XVIII – первая половина XIX века. М.: Финакадемия, 2008.
38. Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М.: Наука, 1985.
39. Сборник Русского исторического общества. Т. 19. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1876.
40. Сборник Русского исторического общества. Т. 29. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881.
41. Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1856.
42. Скалковский К. Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. Составил К. Скалковский в 1904 г. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
43. Созаев Э.Б. Износ эскадры Сенявина в кампании 1807 года до Афонского сражения [Электронный ресурс] // Цусимские форумы. 2016. 4 апр. Режим доступа: <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=9557&p=14>.
44. Степанов В. Цена войны: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 99–119.
45. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
46. Татаринов С.В. К истории создания золотовалютных резервов России // Деньги и кредит. 2013. № 5. С. 61–71.
47. Урланис Б.Ц. История военных потерь. М. – СПб.: АСТ, Полигон, 1998.
48. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская тип., 1906.
49. Шеремет В.И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М.: Технол. шк. бизнеса, 1996.
50. Jelavich B. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1914*. Cambridge, 1991.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Лебедев, А. А. Почему обошелся «больной человек Европы»? Неприятные итоги русско-турецкого противостояния XVIII–XIX вв. / А.А. Лебедев // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2(31—32). — С. 107—121. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11051. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_stl_2-31_32.2018.51.